

Александр Юр. Хлебников

Родился в городе Тулун Иркутской области в 1958 году. Окончил Иркутский политехнический институт по специальности «Архитектура». С 1980 года и по настоящее время – практикующий архитектор, член Союза архитекторов России.

Первые студенческие рассказы были опубликованы на страницах институтского малотиражного издания «За кадры». Затем последовали публикации в литературных приложениях газет «Советская молодежь» и «Восточно-Сибирская правда», а также в иркутских альманахах «Первоцвет» и «Зеленая лампа». С рассказом «Вторник. Энцо Берти. 10:15» в 2005 году вошел в длинный список премии «Национальный бестселлер». Несколько рассказов было опубликовано в сетевом литературно-философском журнале «Топос», веб-журнале «Перемены», на международном портале «Текстура Клуб», а также в критико-литературном журнале «Дегуста.РУ».

Живет в Иркутске.

Поминки

Дождь разошелся и барабанной дробью назойливо ломился в покатую крышу японского микроавтобуса.

Нас – нескольких приятелей покойного – арендованная маршрутка медленно везла на кладбище. С зареванными стеклами, облепленная комьями гряз «тойота» зло рычала на непогоду и выплевывала из своих ржавых легких клубы черного дыма. На ухабах она не держалась колеи раскисшей грунтошки и, пробуксовывая, валилась с боку на бок, как дрессированный медведь, танцующий на задних лапах.

Пассажиры молчали.

Водитель полпути искал радиоволну с нейтральной музыкой и, не найдя подходящей, резко включил магнитола. Салон тут же заполнил грустный шепот седого питерского бородача. Со своей узнаваемой манерой нагонять невыносимую тоску он невольно «зашел» под наше мрачное настроение...

В пандемию признанный музыкальный гурман не сник. Отсутствию гастрольной жизни он, как и все «звезды», был, конечно же, не рад, но в творческий застой не впал. Наоборот, воспрянул и, как в молодости, раздосадованный духовным обнищанием страны, стал активно плодоносить. Записал новый акустический альбом. Монотонный и совершенно безысходный. В нем под свои незатейливые гитарные рифы он распалил себя. Несколько раз пырнул ножом тревожную политическую действительность. Окропил ее желчными обличениями. И достиг умиротворяющей нирваны, чтобы нудно и многозначительно пробурчать об утраченных свободах и брэнной человеческой сути нам прямо в уши.

Было тошно и мрачно, но стоило одолеть последний предкладбищенский взгорок, как дождь неожиданно прекратился и яркое солнце напомнило нам, что мы проживаем душный июль. Едва мы высыпали из микроавтобуса и пристроились к родственникам покойного, как нас тут же окружили комары. Полчища этих нещадных кровопийц закружили над растянувшейся процессией, досаждая прежде всего мрачным сотрудникам похоронной службы. Взмокшие молодые парни стоически переносили нападки голодной мошки – черная униформа из неплотной хлопчатобумажной ткани их не спасала, а руки были заняты.

Проходя между хаотично скученных оградок, они заметно занервничали и едва не уронили гроб. Но вовремя подоспел старший и помог охнувшему крепышу, который нечаянно запнулся и чуть не свалился в соседнюю свежерытую могилу.

Мы молча тащились за группой «харонов» и отчаянно отбивались от злобных шаек насекомых. Они кружили над нами, вынуждая хлопать по себе свободными руками, словно вениками в парной.

С прощанием тянуть не стали. И устроитель, поглядывая на часы, казенным языком давал указания тяжело дышавшим парням, которые бесчувственно, но ловко на лентах опустили гроб, переждали всех, кто потянулся бросить в могилу горсть влажной земли, и принялись орудовать лопатами. В общем, погребение прошло тихо. Лишь близкая подруга усопшего, выпившая еще накануне, отголосила, но не долго... И нас, следуя языческим пережиткам, пригласили помянуть покойного.

Друг за другом, с печальными лицами мы потащились в указанном направлении. Омыли руки, подставляя ладони-черпаки под тоненькую струйку воды из пластиковой канистры, которой проворно управляла дальняя родственница

нашего почившего приятеля. Затем сгрудились за одним, небогато сервированным поминальным столиком. Дружно, не чокаясь, выпили из пластиковых стаканчиков недорогой теплой водки, закусив мертвецки холодными блинами. Сделали короткий перекур, разогнав на время комаров пахучими клубами табачного дыма, и вновь выпивали, выпивали, выпивали... а на дорожку смягчили пересохшие гóрла густым клюквенным киселем.

Предпогребальное муторное напряжение, которое тяготило нас с самого утра, чуть спало. Остаточную скорбь от прощальных речей, от барабанной дробы комьев земли, гулко ухавших о крышку гроба, и последние причитания опухшей с утра подруги покойного мы основательно разбавили водкой...

На главной кладбищенской аллее, возле ожидавшего нас микроавтобуса, мы собирались как изможденные окруженцы, выбравшиеся из вражеского кольца. Лавируя между захоронений, вялыми языками цеплялись за своих и говорили уже громко, развязно, а не шепотом, как несколько минут назад возле могильной ямы. Вновь дружно перекурили, угостив сигареткой молчаливого водителя, и о покойнике – близком нам человеке – заговорили совершенно легко. Как на дне рождения. И стали вспоминать его, словно он вовсе не умер, а стоит-сидит рядом, абсолютно невозмутимый, и дымит новомодным вейпом, прихлебывает с манерно оттопыренным мизинцем свой любимый «Хэннесси» прямо из бутылки и даже посмеивается вместе с нами над забавными эпизодами своего жизненного пути.

И нам было что вспомнить.

Потому что покойник, говоря сухим языком, был убежденным низвергателем норм и пошлой банальщины не терпел. Оттого нелепые и невероятно смешные истории, наплывая одна на другую, полетели из разных уст.

Он всегда был везунчиком. Не одно десятилетие имел друга-покровителя, которого иронично называл благодетелем, и решал через него все свои насущные вопросы. При этом шапку никогда не ломал, не заискивал, как стажер перед шефом, и был озабочен прежде всего своей мечущейся душой и беспокойным умом. На злые языки внимания не обращал, а завистникам, которые в беседах теряли берега и пробовали по-хамски шутить, мог плюнуть в лицо или махнуть огромным кулаком. Ибо все годы, что мы знали его, он осознанно чудил, не давая нам шанса усомниться, что его жизнь скучна, – так много в ней было несуразного, но всегда крайне эпатажного. Балансирующего на грани помутнения рассудка. Поэтому никто не удивился, когда его нашли бездыханным на унитазах без трусов с прощальной запиской во рту.

Розовый стикер, зацепившийся за разжатые зубы, пропитался вспененной слюной и несколько раскис. Раскис и сам покойник, «поплывший» в туалете за двое суток безумного отходняка. Мятая пластиковая бутылка с убойной смесью лежала рядом с его опухшими ногами. Трети литра этого недопитого коктейля хватило бы на взвод малахольных самоубийц, и он не пожадничал – оставил на всех. Однако вещдок приобщили к делу. Не к публичному, но которое все же затянулось на целую неделю, породив у всех сомнения, что наш приятель не по доброй воле покинул этот мир. Однако оперативники быстро разобрались и, сверив внешние факторы с судебно-медицинской экспертизой, успокоили близких родственников, пребывавших в полном хаосе. От неведения они не могли определиться с датой предполагаемых похорон и все время перезванивали и перерассылали во все концы страны «уточнения» уже дальним родственникам покойного. Но все равно не угадали. И не все из них успели в морге прикоснуться к вскрытому и неряшливо зашитому телу,

на ноге которого болталась бирка, удивительно похожая на розовый стикер с последним прижизненным пассажем покойного.

Жизнь прирастает дерьмом, дерьмом и выходит.

На обратном пути в «тойоте» царил гвалт, и голос распевшегося гуру, вылетавший из колонок, спрятанных под обшивкой салона, в нем безадресно тонул.

– Так, прошу минуточку внимания, уважаемые дамы и господа, сеньориты и сеньоры!.. То, что наш друг был человеком, скажем прямо, неоднозначным... напоминать вам, думаю, не стоит. И в это поминально-похоронное говно он ввязываться точно не хотел. И всегда говорил, что не желает гнить в земле. Всегда настаивал, чтобы после смерти его тело отдали на съедение бешеным собакам... ну, или, на худой конец, кремировали.

– Круто!

– А вы видели его лицо? Он как будто спал и усмехался! Словно говорил: «Вам, дуракам, элементарного доверять нельзя!»

– А мы что! Там родственников взвод!..

– Ладно, че уж теперь!

– Что значит «теперь»?.. А как же последняя воля покойного! Мне кажется, что мы упускаем подходящий случай!.. Ставлю на голосование! Кто за?!

– Да ну, что за бред собачий!

– А че, будет забавно или, по крайней мере, в его духе! Не какая-то пошлая клоунская интермедия, а высшая справедливость!.. И вообще, с собаками – это по-настоящему круто!

– Слушайте, вы че, рехнулись?!

– Нет! Лопаты в любом хозяйственном продаются...

- Ты предлагаешь эксгумировать?
- Нет, как лохи, слезами поминать!.. Ну?! Кто за?!
- А че, приколенько может получиться!
- Ну и?..
- Ладно!.. Давай разворачивай!..

За сочлененными, как поездной состав, шаткими столами поминающих явно не хватало. Они исчезли на обратном пути вместе с обсохшим на ветру японским микроавтобусом, прямо с недовольным водителем и его магнитолай, из которой безадресно звучали омузыкаленные вздохи питерского старца...

Гнетущую атмосферу поминок в небольшом придорожном кафе никто не отменял. Заупокойная тишина, витавшая в узком зале с витражными окнами, зашторенными несвежим серым тюлем, всех тяготила. Горстка близких и дальних родственников Лёхи, поспешно преданного земле, сгрудилась в изголовье стола. Их лица были выразительно безвольны и пусты. Никто из них не желал брать на себя роль расторопного распорядителя, чтобы хоть как-то развеять повисшую в воздухе скорбь по усопшему. Не нашлось никого, кто смог бы впрыснуть в мрачную атмосферу немного душевной теплоты и растормошить невеселых людей. Наконец запустить по кругу пару-тройку пространных тем, обеляющих неоднозначную жизнь покойника, которого многие, как оказалось, при жизни плохо знали. Представитель от ритуального бюро, еще на кладбище обозначивший рамки своих профессиональных обязанностей, отказался войти в положение, сославшись на то, что его ждут в конторе и в его профессиональных услугах нуждаются прочие покойники не только в неоправданно дорогих, покры-

тых прочным корабельным лаком деревянных гробах, но и в обтянутых кумачом бюджетных «ящиках». После выпитой залпом рюмки водки он тактично, как угодивший в переплет интеллигент, ретировался, пожав безвольную руку подруге покойного, уже опохмелившейся сверх меры.

Свободные места за столом, сервированным на тридцать человек, явно смущали поминающих.

Они понятия не имели, как надлежит себя теперь вести. Как оценить разнесшееся шепотом известие. Как к тихому сакральному обряду приладить эту не лезшую ни в какие рамки дичь, которую собрались провернуть дружки покойного, вспоров своими лопатами свежий горб могилы. Убежденных моралистов в душном зале не оказалось. Скованные общей нерешительностью, хладнокровной змеей заползшей внутрь каждого, сидящие за столом растерянные люди постоянно переглядывались. Хранили молчание, и среди постных, угрюмых лиц так и не нашлось желающих жестко пресечь и наказать «недоумков», снарядив в поход безжалостный карательный отряд. Как плененное племя перепуганных туземцев, они безвольно подчинились какой-то неведомой бестелесной злобной силе, парализовавшей их слабую коллективную волю.

Лишь какой-то странный, неизвестно откуда взявшийся мужичок в распоротом на спине пиджаке и очках на замусоленной резинке вдруг резко встал, вздернув испачканную землей руку. Отер мертвецки-синие губы застиранной, некогда ярко-розовой салфеткой с выцветшим узором-надписью и голосом точь-в-точь как у покойного Лёхи возмущенно произнес:

– Они там что, с ума посходили?! Нехристи! Дерьмо! Вместо нормальных поминок какой-то бесовский шабаш затеяли!..

И тут же замер с застывшей на лице несколько надменной и одновременно скорбной гримасой, как у ожившего мертвеца, явившегося из еще не принявшего его тревожную душу потустороннего мира. Его полуоткрытые глаза, будто у неряшливо раскрашенной матрешки, застыли в толщах мутных линз, как замерзшие во льду две аквариумные рыбки.

Присутствующие лишь на миг оторвались от тарелок и равнодушно проглотили отчаянный выкрик мужичка.

Никто ничего не понял... или притворился.

Вокруг этой мрачной, сплоченной скорбью горстки родственников неряшливой тенью принялся крутиться странный мужичок. Обнажая неровные желтые зубы, он кривил бледно-фиолетовый рот и поочередно нашептывал в уши сестре, брату, племяннику покойного одни и те же запущенные по короткому кругу слова, которых они, казалось, не слышали. Однако это его не смущало, и в грубой Лёхиной манере, не моргая, он продолжал упорно их донимать. Кружил, как ворон над помойкой, и что-то несвязно говорил. Затем на мгновение замер и стал беспардонно тыкать грязным артритным пальцем в противоположный край стола, где особняком сидела прибившаяся еще на кладбище парочка основательно потрепанных девиц, к которым напрашивались вопросы. Но у родственников, знавших некоторые Лёхины чудачества, не было ни сил, ни желания интересоваться, кто они, чтобы, не дай бог, не всколыхнуть поток неконтролируемых воспоминаний о весьма неоднозначных причинно-следственных связях их умершего отца-брата-племянника. Посматривая на фото покойника, стоявшее в центре стола в черной пластиковой рамке без стекла, они все время тревожно переглядывались. Ряд свободных стульев и нетронутая еда смущали их намного больше, чем неприятные девицы и суетливый, чем-то похожий

на Лёху мужичок, который стал медленно блекнуть у них на глазах, превращаясь в выгоравшую на солнце некогда изящную настенную акварель. С неотвратимой тревогой, прочно въевшейся в их растерянные лица, они ждали самых диких вестей. Время от времени испуганно косились на входную дверь и без поминальных речей, как в самый обычный обеденный перерыв, спешно ели и пили за Лёхину буйную... и неуспокоенную душу, пока мужичок, превратившись в едва различимый, прозрачный силуэт, окончательно не исчез...

А усталые поварихи в высоких накрахмаленных колпаках все выносили и выносили из горячего цеха мясные блюда и втискивали их между полными салатницами и тарелками с нарезками и рыбными закусками, крупными ломтями ржаного хлеба в плетеных корзинках рядом с запотевшими бутылками непочатой сиротской водки.

У вечернего озера

Что она знает о нем?

У него трое детей – двое подростков, одна совсем ребенок. Не разведен, но ушел от жены и живет с молодой. На всех углах хвастается, что наконец-то счастлив, потому что нашел свою женщину. Молодится. Всегда был в тренде волатильной моды. Пристально за ней следит и одевается со вкусом. Для поддержки формы (пытается избавиться от небольшого живота) тягает дамские гантели и крутит педали на велотренажере по сорок минут два раза в неделю. Бывший военный. Вышел на пенсию майором, но гарнизонных привычек вставать в шесть утра не оставил. Неплохо, для любителя, готовит, обожает застолья, но не запойный. За месяц

два-три раза может немного расслабиться с друзьями, даже перепить, но утром будет маяться. Тянуть заранее припасенное пиво, кривить виноватое лицо и выпрашивать, что да как было.

«... а как же!»

Полшестого утра.

Вот он. Спит рядом с ней. Лежит на спине на старой металлической кровати, которую сослали на дачу не меньше века назад. Раскинул крепкие руки и негромко похрапывает.

«... зачем ей все это?»

Но вчера он был невероятно настырен. Ее заболтал, затанцевал, затащил в кровать с чумным лицом, сорвал одежду и выдохся после первого раза.

«... и кто она после этого?»

Она столько лет ждала его. Столько лет мучилась, столько лет со стороны подсматривала за ним. За его жизнью без нее. И ничего у нее без него не ладилось. Все в «молоко», в пустоту. Никого рядом: ни его самого, ни детей от него. Ничего, о чем так много мечтала и желала долгие годы, так и не став той женщиной, о которой он на каждом углу радостно рассказывал бы всем, что совершенно счастлив с ней.

Шесть часов утра.

– О!.. Ты уже не спишь?!

– Да.

– Черт, опять вчера отключился. Концовочку совсем не помню... У меня всегда так бывает. С холода в тепло – и все... вырубаюсь! Провал памяти!.. Даже не знаю, ел ли я шашлык...

– Да. Поклевал немного.

– Ты сама-то как?

– Хочешь, чтобы я рассказала о себе?

– Ну, типа того...

Вчера в машине он так много говорил. Нес какую-то ерунду. Но ей почему-то нравилось, как он старается. И она улыбалась. Смотрела на его покрасневшее, возбужденное лицо, и ей было хорошо и совершенно безразлично, куда и зачем он везет ее на ночь глядя. С ним она ничего не боялась, лишь иногда прикрывала мокрые глаза и с трудом сдерживала себя, чтобы не показать, что расстроилась из-за того, что он так и не узнал ее.

– У вас такое удивительное лицо! Правда! Я бы такое никогда не забыл!.. И знаете, от вас исходит какое-то невероятное человеческое тепло!.. Ну, вы понимаете...

Дорога петляла.

Его джип потряхивало на ухабах, и он смешно чертыхался. Косился на нее. И не видел, как тряслись ее руки. Как полыхали ее щеки. Как блестели глаза у взволнованной, вжавшейся в кожаное кресло Клавки-дурнушки. Той самой, которая так же восторженно смотрела на него сейчас, как и тогда, почти двадцать лет назад. Как слушала сейчас те самые липкие слова, с которыми он и раньше вязался к женщинам и потрошил их простуженные, одинокие сердца, потому что знал, что ему сложно отказать.

– Там такие чудесные закаты! А виды вечернего озера – это вообще бомба! Особенно когда солнце садится!.. Будут шикарные шашлыки из парной телятины, сам мариновал! Ребята наверняка уже жарят! Да вы не бойтесь, вас там никто не тронет!.. Если не понравится, я сразу отвезу вас, куда скажете!.. Слово офицера!..

Шумный выпускной в военном училище. Юные золотопогонники в парадной форме. Счастливые родители. Девушки. Гулянье до утра...

Она не хотела идти. Но Томка уговорила:

– Дура, они такие молоденькие и смешные, выбирай – не хочу!.. Только одень свое красное платье! Ну то, что с глубоким вырезом!.. Да, и не забудь припудрить лицо!..

Такое удивительное лицо!..

Ненавистное лицо в крохотных розовых вулканчиках, с которыми она так отчаянно боролась каждое утро. Выдавливала и прижигала их ваткой, пропитанной в настойке календулы, чтобы не тыкали пальцем, чтобы не судачили по поводу скачущих гормонов, чтобы тогда он все-таки заметил ее. Подошел. Взял за руку. Закружил. Безостановочно нашептывал ей на ухо смешную чепуху. Уставшую вытянул на свежий воздух, прижал спиной к деревянной стене старого офицерского клуба и жадно целовал ее в губы, пахнувшие сладким шампанским. А за полночь поймал такси и увез на левую квартиру, с трудом справился с дверным замком, затащил ее в спальню, не включая свет, завалил на кровать и до рассвета не терял своего мужского вдохновения...

– И что бы ты хотел узнать?

– Замужем?

– Нет, если ты об этом.

– Не могу отделаться от ощущения, что мы знакомы.

– Какая разница?

Он свесился с кровати и пошарил под ней.

– Мне казалось, что я вчера заныкал банку пива. Ты не видела?..

– Нет.

Он повернулся к ней, обнял и поцеловал в плечо.

– Слушай, не в службу... Глянь, может, на кухне че осталось. Башку че-т ломит.

Она откинула половинку одеяла. Повернулась и, навалившись на него тяжелой грудью, стянула со стула его мятую рубашку. Села на краешек кровати и надела сорочку. Медленно встала. Взглянула на его кислое лицо. Улыбнулась. Не спеша застегнула несколько пуговичек. Поправила волосы. Встала и ушла.

– А мужики че, еще вечером смотались?

Она отрывисто выпалила «да» и скрылась за русской печью с давно не белеными боками в вертикальных ручейках из засохшей сажи, отделявшей комнату от крохотной кухни.

Ее от него.

– Понятно!.. Ну че, есть?

– Да.

– Шикардос!..

Получив офицерскую должность, утвержденную командованием Дальневосточного военного округа в гарнизоне под Артёмом, он жестко настоял на том, чтобы ее на вокзале не было. Но она ослушалась, вся в слезах все-таки пришла и из-за угла торгового павильона, сжимая крохотный букетик гвоздик, видела, как он прощально целовал мать, обнимал отца, как, смущаясь, стягивал с шеи цепкие руки его будущей жены...

– Черт, хорошо-то как!.. Будешь глоток?

– Нет.

Привлекательный мужчина до сорока пяти эгоистичен. Безрассудно полигамен и редко в полную силу ценит любящих его сейчас женщин. Он знает, что будут еще. Знает, что за спинами этих дурех, питая надежду, стоят еще несколько неприкаянных и нетерпеливо ожидающих своего уникального счастья, отчаянных, на все готовых соперниц. И, мотаясь по гарнизонам страны, он не раз бывал на грани развода. Но обошлось. Сказалась притупляющая чувства служебная рутина с бесконечными ночными дежурствами, муштрой и полевыми учениями. И, дотянув до дембеля, он все же вывез на большую землю чудом сохранившуюся семью...

Она видела их вместе только раз.

Несколько лет назад.

В большом супермаркете. Куда по субботам выбиралась за покупками.

Его узнала не сразу. Потому что прилично поправившийся, коротко стриженный, с хмурым лицом, он катил к кассе заваленную продуктами тележку и был мало похож на себя прежнего. Выглядел как измотанный поединком борец и в окружении шумных детей, рядом с женой, постоянно одергивающей его, он показался ей каким-то потерянным, эмоционально выгоревшим и страдающим от безрадостной жизни мужчиной. И она невольно вспыхнула. Потеряла самообладание и, изменив свой обычный, проторенный между огромных стеллажей маршрут, резко развернулась и нарочно прошла рядом с ними.

Потом она долго изводила себя. Мучилась одним и тем же вопросом: зачем так поступила? Но так и не смогла себе ответить. Потому что запуталась и, обманывая себя, подумала, будто именно сейчас вся ее жизнь решительно изменится и весь ее ненавистный, захламленный тоскою мир теперь рухнет. И в одночасье она наконец-то станет счастливой. С ним. Даст ему то, чего он лишил себя сам, бросив ее, зареванную, на перроне шумного вокзала. И она обнажит и обрушит на него все свои нерастраченные чувства. Всю себя без остатка. До последней капельки, потому что наступит их время и их жизнь...

Но осеклась.

С трудом совладала с собой, хотя уже была готова, широко раскинув руки, броситься к нему. Прижаться к его груди. Расплакаться и почувствовать себя безгранично счастливой от этой неожиданной встречи, потому что ей на миг показалось, будто он узнал ее и сейчас удивленно воскликнет и будет смущенно оправдываться, оправдываться, оправдываться...

Но его отвлекла жена. Что-то сухо ему сказала. По краснев, он стал зло мотать головой и не увидел пролетевшего мимо него, полыхавшего от волнения лица...

Выскочив из магазина, она отчаянно хватала ртом бесполезный, будто разреженный до предела воздух и долго не могла успокоиться. Ноги не держали ее, и, чтобы не упасть, она оперлась дрожащей рукой о холодную стену магазина. Сжалась, пытаясь заглушить крик, рвущийся из ее плотно сомкнутого рта, похожего на окровавленную полосу горизонта. Не сдерживая слез, несколько минут редела. Размазала по опухшему лицу ванильную помаду и раз за разом безуспешно пробовала подкурить сигаретку, чиркая новой зажигалкой. И ее сердце, почти погасшее, отучившееся чувствовать и переживать, так яростно в ней колотилось, что, вконец растерявшись, она никак не могла его унять, чтобы в очередной раз сдаться и малодушно сбежать от себя.

Через месяц несостоявшаяся встреча в магазине показалась ей ничтожным, переполненным ложными эмоциями потрясением в ее непутевом спектакле жизни...

– Я, пожалуй, пойду. Тут недалеко... Как-нибудь сама доберусь...

Она смотрела на его мятое со сна лицо, и ее охватывала злая волна разочарования в нем, в ней самой, в этой глупой и обреченной на провал бессмысленной сцене. Она все время спрашивала себя: зачем она здесь? Зачем так мучается? Напрасно ждет от своего-чужого мужчины, что он вот-вот увидит-узнает ее, ту прежнюю, стеснительную и все еще влюбленную в него девчонку с нарывающими вулканчиками по всему лицу. Скажет ей, что был не прав, что виноват перед ней, что ужасно подло с ней поступил, бросив ее, ревущую, на перроне, за павильоном, торгующим холодными напитками. И сейчас же прижмет ее к себе и будет жадно целовать припухшие, дрожащие от счастья губы своей, той самой Клавки-дурнушки, словно ее рот полон тягучей фруктовой карамели. Закружит ее в танце, и она, счастливая, будет улыбаться, зная, что

он рядом сейчас и следующее утро, и полдня солнечного воскресенья все еще будет ее.

Лишь ее.

– Ты куда?! Подожди! Через часок очухаюсь и отвезу тебя, куда захочешь!

Могла ли она по дороге сюда подумать, что все, чем долгие годы утешала себя и во что хотела верить, окажется такой пошлой и ранящей сердце игрой? Дурной во всех смыслах неправдой, придуманной глупой влюбленной женщиной, так скоро уставшей даже от этих случайных и разлетавшихся от нее страстей.

Она смотрела на него и с грустью ощущала, что их время и их жизнь, даже не начавшись, из многообещающего и невероятного совпадения непересекающихся горизонтов за ночь превратились в выгоревший изнутри дом...

Обнимая ее на берегу вечернего озера, в какой-то момент он неожиданно почувствовал, что между ними существует нечто большее. Будто есть еще что-то, о чем он не догадывается или забыл, и это чувство весь остаток дня подсознательно мучило его. Потому что с самого начала какая-то неведомая сила заставила его остановиться у обочины, и он, никогда не бравший попутчиков, сам не зная почему, подобрал эту опоздавшую на маршрутку женщину...

Она неспешно брела по направлению к соседнему садоводству и вначале даже испугалась, когда он плавно притормозил возле нее. Невольно повернулась и с опаской посмотрела в открытое боковое окно. Узнав его, она тут же вспыхнула. Без слов приняла предложение. Села рядом. Пристегнула ремень безопасности и слушала его болтовню всю дорогу. Тередила ручки небольшой хозяйственной сумки и перед последней развилкой дорог, взглянув ему в глаза, согласилась с его предложением составить компанию ему и его друзьям.

Он тут же самодовольно усмехнулся.

Выйдя из машины и сделав несколько шагов в сторону дымившего мангала, она на секунду замерла, увидев группу мужчин, суетившихся возле огня. Но он подошел к ней сзади. Приобнял. Что-то сказал ей на ухо, и она, кивнув головой, улыбнулась и повела себя так, будто давно всех знает и всегда была милой хохотушкой на их веселых посиделках. Бегло перезнакомившись, с кашей в голове из мужских имен, она села на освобожденное для нее место за грубым столом, сколоченным из досок. Взяла алюминиевую кружку, в которую он, не скупясь, плеснул красного портвейна. Пригубила. И, чуть размякнув, невольно увлеклась, рассматривая лица мужчин, принявшихся щедро осыпать ее комплиментами. Глядя на своих друзей, наперебой желавших ей понравиться, он почувствовал, как ревниво екнуло его сердце, в котором, будто в замочной скважине, кто-то с усилием провернул ключ от другого замка. Выпив залпом еще одну штрафную и справившись с приливом внутренней тревоги, он решительно, как на втором свидании, прижал ее к себе, и его влажные от водки губы смело уперлись в ее холодную, пахнущую карамелью щеку.

К середине вечера он захмелел. Деревенеющим языком стал рассказывать анекдоты и, дурачась, кормил ее с руки жареной свининой. Лез игриво целоваться и слизывал вокруг ее губ жирные разводы, которые она, морщась, промакивала бумажными салфетками, кочующими по разоренному столу от резких порывов ветра. Он был уверен, что неотразим и своим brutальным обаянием превзошел конкурентов, весь вечер посягавших на ее исключительную благосклонность. Но когда чуть в стороне от них, у небольшого костра на берегу притихшего озера, прозвучали первые аккорды безбожно расстроенной гитары, он тут же напрягся и сплющил свои раскисшие

губы. Попробовал зло пошутить, но она уже не слушала его. Убрала его руку со своего плеча. Резко встала и молча выбралась из-за стола. Медленно подошла к костру. Присела возле веселого бородача, который уверенно запел бардовские куплеты, и стала ему вторить, подхватывая звонкие припевы своим красивым мягким голосом.

Он невольно опешил.

Подзабытое чувство собственной исключительности вдруг напомнило ему о себе, и теперь он остро желал лишь одного: чтобы она была только с ним. Поднимала на него свои искрящиеся глаза, пила с ним разбавленную швепсом водку и восторгалась его бесконечными тостами, подперев рукой свое очаровательное лицо с едва заметными, давно потухшими, крошечными кратерами на щеках. Прижималась к нему возле жарко тлеющих углей, будто его новая и невероятно желанная женщина. Была счастлива с ним здесь и сейчас, зацелованная в шею, в щеки, в соленые от слез губы и чуть захмелевшая, дурачась, отбивалась от его настойчивых и развязных рук. Не сдерживала бы в себе раскатистые всплески веселья и сливалась с ним так крепко, чтобы он остро чувствовал дрожь ее чуть обмякшего тела. И, словно ополумевший, не переставая, он все накручивал и накручивал фантазии, путавшиеся в его нетрезвой голове. Безостановочно болтая, боролся с заплетающимся языком, пока вдруг не осекся и не вспомнил, что когда-то встречался с девчонкой, которую звали так же, как и ее. И тут же без всякого сожаления несколько раз самодовольно выпалил, что у прыщавой и влюбленной в него без памяти Клавки-дурнушки шансов стать его женой не было.

Но утром он ничего этого не помнил...

Отдав ему банку теплого пива, она усмехнулась и вдруг явственно поняла, что их встреча запоздала, потому что ее счастье, должно быть, выглядело совсем

иначе. Наверное, оно и было такое и походило на непрерывное падение в воронку искупления там, где «...вечно пьяный лоцман безостановочно отрубал и сбрасывал воды времени», бесследно исчезающие в зыбком песке.

Она сняла с себя его рубашку, сгребла свои вещи, лежавшие горкой на полу, и, разложив их на краю кровати, стала медленно одеваться...

У двери она остановилась.

– Ладно. Пока!.. И возвращайся домой к жене, ну... или там к любовнице... и обязательно к ждущим тебя мальчикам и дочке!

– Не понял! Откуда ты это знаешь?!

– Я все о тебе знаю!..